

Валентина КОСТЯГИНА – старший научный сотрудник отдела фондов Музея-мемориала В.И. Ленина

ДМИТРИЙ АРХАНГЕЛЬСКИЙ – ХУДОЖНИК И ПЕДАГОГ

«Давным давно минули молодые годы, быстрые и легкие, наполненные мечтами, учением, трудом, открытиями, звавшими еще к неизведанному и увлекательному (это я говорю о своем первом увлечении искусством). И кажется порой, что все пережитое и испытанное мною кануло в вечность и забыто. Но это далеко не так», – писал Архангельский в своей автобиографии.

У Дмитрия Ивановича была заветная мечта: издать книгу, рассказав в ней о своем жизненном и творческом пути, о хороших людях, которые на этом пути встречались, и их судьбах. К сожалению, по многим причинам ему не удалось осуществить задуманное. Но сохранился архив художника, который передала музею его внучка Наталья Андреевна Мешалкина. Кропотливое изучение материалов архива дало возможность составить жизнеописание Дмитрия Ивановича из его автобиографических заметок, документов, воспоминаний и писем, адресованных ему. В 2009 году вышел в свет документальный сборник «Живу и дышу родным городом» (по материалам архива Д.И. Архангельского) объемом 445 страниц. На областной выставке-конкурсе «Симбирская книга–2009» он был отмечен Дипломом как лучшее историко-краеведческое издание.

После этого было много публикаций в разных изданиях, художественно-документальных выставок и др. Информационный и научный потенциал архива художника поистине неисчерпаем.

Особое место в нем занимают сотни писем от бывших учеников Д.И. Архангельского, в котором с даром художника органически слился талант педагога. «Работать с детьми – мое любимое дело», – говорил Дмитрий Иванович. Всю жизнь он неустанно заботился о растущих, щедро отдавая им то, что им самим накоплено. Не все, кто учился под его руководством стали профессиональными художниками, но главное, что дети жили в прекрасном мире искусства, постигали гармонию окружающего мира.

Для многих своих учеников Дмитрий Иванович на долгие годы остался самым близким человеком.

Поводом для написания этой статьи послужили воспоминания Марии Андреевны Расторгуевой об отце-уроженце г. Сенгилея Симбирской губернии, священнике Андрее Ивановиче Расторгуеве «Из кладовой памяти», опубликованные в июньском номере журнала «Симбирск» за 2018 год.

Внимательно и с интересом читая их, я вспомнила о письме к Д.И. Архангельскому одного из его бывших учеников, выпускника мужской классической гимназии Скороходова Георгия Всеволодовича, который был хорошо знаком с Андреем Расторгуевым еще с той поры, когда тот был семинаристом. Думается, что это письмо – воспоминание будет интересно читателям журнала.

«Мой дорогой, мой милый Дмитрий Иванович!

Не посетуйте на меня за то, что я не сразу приступил к выполнению Вашего поручения – поделиться с Вами тем, что сохранила память о Симбирском житье-бытье в былые годы...

Начну с того, что Вас почему-то особенно заинтересовало (как мне показалось), с нашей юношеской постановки грибоедовского «Горе от ума».

Это было летом в 1912 г., когда я перешел в восьмой класс гимназии. Мне было 18 лет. Случай забросил меня в уездный городок Сенгилей, где у моего товарища И. Войцеховского отец был уездным исправником.

А случай этот в своем роде тоже любопытный. Мне только что купили черную морскую накидку (одно время они были в моде), и я начал свободно разгуливать в ней по городу, хотя это и было некоторым нарушением строгих гимназических правил. Вскоре, «в один прекрасный день», я встретил на нашей улице гимназического сторожа, который, как оказалось, направлялся ко мне на квартиру (по распоряжению инспектора) с приглашением в один из ближайших дней зайти к инспектору, а зачем – неизвестно. Я решил, что такое приглашение в необычное время (был июль) очевидно вызвано моей злополучной черной накидкой, которую инспектор, видимо, доглядел. Я не растерялся и поручил сторожу доложить инспектору, что я уехал и меня в городе нет. Но ведь нельзя же из-за этого безвыходно сидеть дома? Я вспомнил, что мой сенгилеевский одноклассник не раз приглашал меня приехать к нему погостить. Ведь это всего несколько часов приятной прогулки на пароходе, а такие прогулки всегда были предметом наших мечтаний. Я тут же пошел на почту и послал ему открыточку с просьбой сообщить, могу ли я воспользоваться его гостеприимством хотя бы на два-три дня. Я был почему-то уверен, что за это время случай с накидкой забудется. Через день я получил телеграмму с приглашением и сразу же уехал в Сенгилей.

Семья Войцеховских была обширная; кроме моего товарища Ипполита, его сестра, несколько братьев, дедушка, бабушка и две его тетушки, из которых одна – приехавшая на каникулы провинциальная артистка украинской труппы, да и другая, кажется, тоже была когда-то причастна к сцене. Это обстоятельство и породило мысль организовать «разумный отдых», подготовить спектакль силами молодежи. А молодежи там было более чем достаточно.

Но что ставить? Что может быть лучше классического «Горе от ума»? Молодежь взялась за дело с изумительной энергией. Если мне память не изменяет, уже на второй или третьей репетиции текст все участники знали наизусть, причем многие зна-

ли не только свои роли, но и всю комедию целиком. Разве можно не запомнить грибоедовский стих? С того дня прошел 51 год, но еще сравнительно недавно я мог повторить весь текст комедии за всех действующих лиц, начиная с любой вырванной из середины фразы и до конца.

Наши режиссеры очень добросовестно репетировали с нами всю пьесу, все мизансцены, выразительность чтения, жесты, мимику и пр. Вместо двух-трех дней мне пришлось прогостить у товарища почти три недели.

Пришлось очень много поработать над постановочной частью, костюмами. Ведь нужно было постараться максимально отразить эпоху, а современные костюмы для этого не годились. Нужна была творческая фантазия, кропотливая работа, к тому же в условиях отсутствия больших денежных средств. Нужно было изощряться: например, для лакеев в доме Фамусова шили фраки из кумача, на сандалии набивали каблуки – получались туфли. Если строгая критика и не всегда находила «эпоху», то все же было много выдумки для максимального приближения к эпохе. Словом, работа была проделана милыми тетушками огромная. А для многих женских ролей были перерыты все бабушкины сундуки и заветные шкатулки с драгоценностями. И можно было видеть на какой-нибудь графине Хрюминой или на дочке князя Тугоуховского настоящие бриллиантовые кольца или серьги, чудные платья прошлого века, хотя сам князь Тугоуховский был во фраке, сшитом из черного коленкора. Но зато все лакеи Фамусова были в красных фраках, белых чулках, перчатках и туфлях, переделанных из сандалий. Я, Чацкий, имел на балу атласный шапокляк (франц. *Sphareau-claque*, складная шляпа-цилиндр с пружинами в тулье, удерживающими ее в раскрытом положении. – В.К.), который, конечно, не раскрывался, и кружевное жабо, которому, наверное, позавидовали бы заправские артисты! А ливрея у фамусовского швейцара в последнем акте была с галунами и позументами! А какой при этом восторг испытывал этот швейцар! Все не перескажешь. Это нужно было пережить.

Успех был большой – так, по крайней мере, казалось нам. Во всяком случае играли мы два вечера, т.к. за один раз нельзя было вместить всех желающих. А помещение было довольно большое, какое-то пожарное депо, в котором была оборудована сцена. Там, видно, и раньше когда-то устраивали подобные развлечения. Некоторые, даже взрослые, были настолько заинтересованы, что посетили оба спектакля.

Кое-что о распределении ролей. Как я уже сказал, я играл Чацкого, мой приятель И. Войцеховский – Скалозуба, его сестра – милая скромная девушка лет шестнадцати – Софью. **Фамусова играл ученик духовной семинарии А. Расторгуев** – ныне здравствующий настоятель Московского Воскресенского собора в Сокольниках, а в период Великой Отечественной войны обновленческий архиепископ Московский (в том же Соколическом соборе).

В заключение хочу отметить, что в июле 1962 г., в один предвечерний час, т.е. спустя 50 лет после нашей постановки «Горе от ума», мы вдвоем (Чацкий и Фамусов) подъехали к памятнику Грибоедову, что на Чистых прудах, и к его подножию возложили

большой венок из живых цветов. Окружающая публика была очень этим заинтригована. К сожалению, мы даже не знали, жив ли кто-нибудь из других участников этого спектакля, положившего начало нашей дружбе с А. Расторгуевым (Фамусовым), не прекращающейся вот уже больше 51 года!

Маленькая деталь совершенно частного характера, но любопытная: не прошло и четырех лет со дня постановки «Горе от ума», как княгиня Тугоуховская стала женой Чацкого. Впрочем это, кажется, единственный матримональный результат нашей постановки, других случаев как будто бы не было!

Но история постановки «Горе от ума» этим не закончилась. Вскоре после наших театральных выступлений в Сенгилее отца моего товарища перевели в Карсун и в 1913 г. (летом) постановка «Горе от ума» была возобновлена там. Впрочем, из старого состава в постановке участвовали только Чацкий, Скалозуб, Софья, графиня внучка, княгиня Тугоуховская и еще кто-то из братьев Ипполита во второстепенных ролях. Все остальные были новые лица. Но я не помню, чтобы постановка 1913 г. так же захватила участников и была бы столь же удачной, как постановка 1912 г.

Возможно, что некоторым образом на попытку выступления на подмостках в Сенгилее сыграл тот факт, что до этого года много лет подряд (т.е. почти с самых детских лет) мы, т.е. я, мой племянник Борис С. и несколько товарищей по гимназии каждое лето устраивали сцену в дровяном сарае (благо, к лету запас дров обычно истощался), где ухитрялись ставить почти полностью, т.е. без больших купюр, такие пьесы, как «Ревизор», «Женитьба» Гоголя и другие пьесы разных степеней сложности, инсценировки чеховских рассказов, «Безденежье» Тургенева и др. За нами уже закрепилась «слава» бывалых артистов. Эта слава проникла даже в стены гимназии и породила план не то в 1911, не то в 1912 г. постановки гоголевского «Ревизора». Уже намечалось распределение ролей и были первые читки пьесы, но почему-то дело дальше не пошло и все заглохло. Эта же «слава» артиста была одной из причин, почему я принимал некоторое участие в организации театрализованной постановки в зале гимназии в феврале 1913 г., помогая отчасти Вам. Именно с этого времени у меня сохранилось в душе теплое, хорошее чувство симпатии к Вам, хотя много-много лет я не встречал Вас и даже долгое время ничего не знал о Вас, хотя при каждом удобном случае узнавал о Вас что-нибудь новое.

В заключение: где же все участники «Горе от ума»? К 50-летию юбилею я знал судьбу четверых. Я и Фамусов – в Москве, Молчалин – в глубине Средней Азии, одна участница была в Варшаве. Об остальных ничего не известно, возможно, что многих уже нет в живых.

Вы, может быть, спросите, а какова судьба других «артистов» из числа выступающих в дровяном сарае? Кажется, только один из них еще в молодости пошел на профессиональную сцену в провинции, но без блестящих успехов. Остальные подвизались в других, не театральных областях.

Простите за болтливость. Дружески жму Вашу руку. Крепко обнимаю.

Ваш Скороходов.
28.10.1963

Скороходов Георгий Всеволодович и Войцеховский Ипполит Витольдович после успешного окончания гимназии в 1913 г. «изъявили желание продолжить обучение на юридическом факультете Императорского Московского университета».

Следует отметить, что в развитии творческих способностей своих учеников большую роль играла гимназия, в которой эстетическому направлению воспитательной работы уделялось огромное внимание. «Для развития в учениках художественного вкуса и чувства к изящному» в гимназии проводились литературно-музыкальные, вокальные и танцевальные вечера, устраивались ученические спектакли. В постановке спектаклей участвовали преподаватели словесности. Декорации изготавливали сами гимназисты под руководством учителя рисования. На сцене актового зала гимназии ставились пьесы А.П. Чехова, Н.В. Гоголя, А.Н. Островского и др.

В своей учебно-воспитательной работе мужская гимназия была тесно связана с Симбирской женской гимназией, учрежденной Т.Н. Якубович. Функции председателя педагогического совета гимназии постоянно исполнял директор классической гимназии. Немало преподавателей совмещали службу в обеих гимназиях. Среди них – учитель рисования Д.И. Архангельский.

Из послужного списка Дмитрия Ивановича следует, что он был «допущен к преподаванию рисования в Симбирской женской гимназии, учрежденной Т.Н. Якубович с 1 сентября 1908 г.», а с 1 ноября 1909 г. – в мужской классической гимназии.

Дмитрий Иванович вспоминал: «Я сразу с головой ушел в работу. Практически было проделано следующее: приобретена в Симбирске и выписана из Петербурга литература по методике рисования. Начался сбор моделей и оборудования для уроков рисования и т.д. Летом 1909 г. в Петербурге я прослушал курсы для учителей рисования. Тогда же был выписан художественно-педагогический журнал и

Здание Симбирской женской гимназии, учрежденной Т.Н. Якубович

Зоя Садовникова в роли Антонида – дочери Ивана Сусанина. Декорации выполнены Д.И. Архангельским. Фото Д.И. Архангельского

приобретены в магазине при курсах новые художественные материалы и принадлежности. Все это очень облегчило мою работу в гимназии».

Д.И. Архангельский «исполнял учительские обязанности» в гимназиях до мобилизации на фронт весной 1916 г. и заслужил любовь и уважение не одного поколения учеников.

«Отношение к нам было глубоко человеческое. Мы в нашем моло-

дом учителя видели старшего товарища, друга, готового помочь советом в тяжелую минуту детского, а потом юношеского раздумья. Это были уроки его полного единения с классом.

Уже позже, попав учиться в Петербург, я с благоговением переступала порог Эрмитажа, Русского музея, готовясь увидеть величайшие произведения мастеров кисти, с которыми нас еще на школьной скамье вдохновенным языком поэта и художника сумел познакомить наш любимый учитель», – вспоминала бывшая гимназистка А. Тимомирова.

Как и в мужской гимназии, в гимназии Якубович большое внимание уделялось эстетическому воспитанию учениц и, в частности, обучению музыке, хоровому и сольному пению. Гимназия располагала нотной библиотекой с произведениями Глинки, Даргомыжского, Аренского, Чайковского, Римского-Корсакова и других композиторов.

В обеих гимназиях «успешно и старательно» занятия вел Тимей Алексей Тимофеевич.

«На Тимея возложены обязанности учителя пения и регентство [дирижера хора – В.К.]. Пение он хорошо знает, любит и умеет вести преподавание. Ученический хор в гимназической

церкви тоже под его управлением. О хоре начальство отзывалось одобрительно», – так характеризовал работу А.Т. Тимея директор мужской гимназии В.П. Андронников.

Одна из учениц гимназии Якубович – Зоя Садовникова, спустя более полувека, поделилась с Д. Архангельским своими воспоминаниями.